Источники грамматикализации отыменных послелогов в нахско-дагестанских языках

П. Л. Наследскова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); pnasledskova@gmail.com

Аннотация. Существительные являются одним из источников грамматикализации послелогов в нахско-дагестанских языках. В настоящем исследовании такие существительные рассматриваются в ареально-типологической перспективе. Было установлено, что послелогии могут образовываться от существительных различных семантических классов, причем ветви отличаются друг от друга как количеством отыменных послелогов (они наиболее характерны для нахских и лезгинских языков), так и относительным количеством послелогов, образованных от существительных определенного семантического класса (так, послелогии, образованные от названий частей тела, больше характерны для лезгинских языков, чем для даргинских).

Ключевые слова: послелогии, адлоги, грамматикализация, нахско-дагестанские языки.

Благодарности: Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Grammaticalization sources of denominal postpositions in East Caucasian languages

P. L. Nasledskova

HSE University (Moscow, Russia); pnasledskova@gmail.com

Abstract. One of the diachronic sources of postpositions in East Caucasian languages are relational nouns, which is a cross-linguistically frequent situation. This study attempts to cover the differences and commonalities in the semantic

group of nouns attested as lexical sources of postpositions across East Caucasian. Typologically, nouns of the following semantic groups are the most typical diachronic sources of adpositions: body part terms, object part terms, nouns denoting environmental landmarks, and abstract notions. The number of postpositions derived from body part terms and abstract notions varies from language to language: postpositions derived from body part terms are more typical of Lezgian languages spoken in south, while postpositions derived from abstract notions are found mostly in Avar-Andic languages in the north of the area. Postpositions derived from object part terms are the most common among East Caucasian languages. Postpositions derived from nouns denoting environmental landmarks (mostly connected to mountainous landscape) are also found in some East Caucasian languages. Within each semantic group, both cross-linguistically frequent (such as ‘eye’ > ‘in front of’ or ‘place’ > ‘instead’) and infrequent (such as ‘back, rear’ > ‘near’) grammaticalization paths are attested. Body part terms that are the sources of postpositions in East Caucasian include both human and non-human body parts (‘tail’), the latter being typologically rare [Svorou 1994: 74]. Postpositions vary not only in the semantic class of their source nouns, but also in the time when their grammaticalization happened. Some prepositions are synchronically derivable from their sources, while others are less transparent etymologically. Some borrowed postpositions are attested, both from external sources (Turkic languages and Arabic) and from sister languages (e.g., Tsezic languages borrowed a lot of postpositions from Avar).

Keywords: postpositions, adpositions, grammaticalization, East Caucasian.

1. Введение

Послелогии в нахско-дагестанских языках по своему происхождению делятся на следующие группы:

- непроизводные;
- отыменные;
- отглагольные;
- заимствованные.

Под непроизводными имеются в виду те послелогои, которые также функционируют как пространственные наречия, причем наречное использование является для них более базовым. Такие лексемы часто попадают в разделы, посвященные послелогам, в описаниях нахско-дагестанских языков, потому что послелогои в этих языках в целом имеют наречные свойства. В описаниях нахско-дагестанских языков широко распространен термин *наречия-послелогои*, в некоторых описаниях послелогои даже не выделяются в отдельный класс лексем и описываются вместе с наречиями. Пространственные наречия реконструируются на правахско-дагестанском уровне [Nikolaev, Starostin 1994].

Данное исследование посвящено отыменным послелогам. Целью работы является установить, существительные каких семантических классов являются источниками грамматикализации послелогов в нахско-дагестанских языках, и исследовать генетическое и ареальное распределение данных семантических классов внутри нахско-дагестанской языковой семьи в типологической перспективе.

В *Разделе 2* описаны выборка и метод настоящего исследования. В *Разделе 3* описаны существительные — источники грамматикализации адлогов в типологической перспективе. Такие существительные можно разделить на несколько семантических классов: названия частей тела, частей объектов, частей ландшафта и абстрактные понятия [Nagège 2010: 163]. В дальнейших разделах приводится материал нахско-дагестанских языков. В *Разделе 4* рассматривается грамматикализация послелогов из названий частей тела. В *Разделе 5* рассматривается грамматикализация послелогов из существительных, которые могут обозначать и части тела, и части объектов, а также существительных, которые исторически могли обозначать части тела, в то время как синхронно обозначают только части объектов. В *Разделе 6* рассматривается грамматикализация послелогов из названий частей объектов. В *Разделе 7* рассматривается грамматикализация послелогов из обозначений частей ландшафта. *Раздел 8* посвящен грамматикализации послелогов из абстрактных существительных. В *Разделе 9* приведено заключение.

2. Данные и метод

Для настоящего исследования были проанализированы данные 34 нахско-дагестанских идиомов.

- Андийские:
 - андийский
 - ахвахский
 - багвалинский
 - ботлихский
 - годоберинский
 - каратинский
 - тиндинский
 - чамалинский
- Аварский
- Даргинские:
 - литературный
 - ицаринский
 - кубачинский
 - мегебский
 - санжинский
 - хайдакский
- Лакский
- Лезгинские:
 - агульский
 - арчинский
 - будухский
 - крызский
 - лезгинский
 - рутульский
 - табасаранский
 - удинский
 - цахурский

- Нахские:
 - бацбийский
 - ингушский
 - чеченский
- Хиналугский
- Цезские:
 - бежтинский
 - гинухский
 - гунзибский
 - хваршинский
 - цезский

В качестве источников использовались языковые описания, словари и консультации с экспертами по отдельным языкам. Для рутульского языка использовались также полевые данные, собранные в с. Кина Рутульского р-на Дагестана в 2017–2019 гг.

Языковые описания разнятся по степени детализации: для одних языков диахронические источники послелогов обсуждаются более подробно, чем для других. Чтобы компенсировать различную степень подробности имеющихся описаний, было проведено сравнение послеложных систем языков внутри ветвей. Таким образом удалось установить происхождение послелогов, диахронические источники которых не приведены в языковых описаниях.

Например, в грамматике агульского языка не приведен источник грамматикализации послелога *k'enak*: 'под'. Данные близкородственных ему языков (табасаранского, лезгинского и др.) позволяют сделать предположение, что данный послелог был образован от существительного со значением 'дно': ср. табасаранский *k'an-a-k*: (дно-OBL-SUB.ESS) 'под' и лезгинский *k'an-i-k* (дно-OBL-SUB.ESS) 'под'. Действительно, агульский послелог оказывается формально совпадающим с формой существительного 'дно': *k'en-a-k*: (дно-OBL-SUB.ESS).

В тех случаях, когда источник грамматикализации послелога указан в языковом описании, его упоминание сопровождается ссылкой на работу. Если же ссылка не указана, это значит, что

источник грамматикализации был установлен мной путем сравнения с близкородственными языками (т. е. языками той же ветви). В первую очередь такое сравнение позволяет определить значение существительного, от которого мог быть образован данный послелог, после чего я проверяла послелог на синхронную членимость. Если нужное существительное не засвидетельствовано в словарях или послелог не является синхронно членимым, но формально похож на послелоги из близкородственных языков (с учетом регулярных фонетических соответствий, которые проверялись по [Nikolaev, Starostin 1994]), я все равно делала предположение о том, что он является когнатом этих послелогов или заимствованием.

Пути грамматикализации послелогов, встретившиеся в нахско-дагестанских языках, рассматриваются в типологической перспективе с точки зрения их кросслингвистической частотности. Под частотными в данной статье я понимаю те пути грамматикализации, которые упоминаются в работе [Kuteva et al. 2019], посвященной грамматикализации в языках мира в типологической перспективе, и в работе [Hagège 2010], посвященной адлогам вообще и источникам их грамматикализации в частности. Если в данных работах не упомянут некий путь грамматикализации, я считала данный путь грамматикализации нечастотным. Кроме того, наличие схожих путей грамматикализации в языках других семей систематически проверялось по базе колексификаций CLICS¹ и по работе [Svorou 1994]. Упоминание путей грамматикализации в этих источниках не влияло на мои выводы относительно их частотности. В работе [Svorou 1994] рассматривается маленькая выборка (26 языков), что не позволяет делать надежные выводы о частотности того или иного пути грамматикализации. База данных CLICS содержит данные для большого количества идиомов (3156), однако посвящена колексификациям, а не грамматикализации, из-за чего она не очень применима для задачи оценки частотности какого-либо пути грамматикализации.

¹ <https://clics.clld.org/>, дата обращения 26.07.2020.

3. Источники грамматикализации адлогов

3.1. Типологически засвидетельствованные источники грамматикализации адлогов

Многие исследователи утверждают, что существительные типологически часто являются источниками грамматикализации адлогов. Так, в [DeLancey 2011: 4] отмечается, что наиболее частыми диахроническими источниками для адлогов являются реляционные существительные и конструкции с серийными глаголами. В [Hagège 2010: 163] также говорится о том, что адлоги часто грамматикализуются из реляционных имен, и приводится список наиболее частотных значений существительных и адлогов, в которые они грамматикализуются (см. *Таблицу 1*, с. 222).

В нахско-дагестанских языках встречаются послелого, образованные от существительных всех перечисленных выше семантических классов, однако, как будет показано ниже, эти классы распределены неравномерно.

3.2. Источники грамматикализации послелогов в нахско-дагестанских языках

На *Рис. 1* (с. 223) представлена карта, показывающая распределение семантических классов существительных, являющихся источниками грамматикализации послелогов, среди языков нахско-дагестанской языковой семьи. Числа внутри диаграмм показывают количество послелогов, образованных от существительных того или иного семантического класса.

По карте видно, что наиболее распространенным семантическим классом являются части объектов. Послелого, образованные от названий частей ландшафта, встречаются реже всего. Что касается остальных семантических классов, они распределены неравномерно.

Таблица 1. Значения существительных, которые частотно грамматикализуются в адлоги, и значения адлогов, образованных от них (из [Hagège 2010: 163])

Table 1. Meanings of nouns which are usual sources of grammaticalization of adpositions and meanings of adpositions derived from the nouns (from [Hagège 2010: 163])

Значение существительного	Значение адлога
<i>a. Части тела</i> ‘голова’ ‘стопа’ ‘лицо’, ‘глаз’, ‘рот’, ‘лоб’, ‘грудь’ ‘спина’ ‘рука’ ‘бок’, ‘ухо’ ‘желудок’, ‘живот’, ‘сердце’, ‘рот’	‘на’, ‘над’ ‘под’ ‘перед; рядом’ ‘за’ ‘из’ ‘рядом, у’ ‘в, внутри’
<i>b. Области пространства и части объектов</i> ‘верх’, ‘поверхность’, ‘север’ ‘дно’, ‘основание’, ‘земля’, ‘юг’ ‘передняя часть’ ‘задняя часть’ ‘край’ ‘внутренняя часть’ ‘внешняя часть’, ‘конец’ ‘середина’	‘над’ ‘под’ ‘перед’ ‘за’ ‘у’ ‘внутри’ ‘снаружи’ ‘среди’, ‘между’
<i>c. Части ландшафта</i> ‘небо’ ‘берег реки’	‘над’ ‘через, по ту сторону от’
<i>d. Абстрактные понятия</i> ‘след’ ‘вещь’, ‘дело’, ‘слово’	‘после’ ‘из-за (по причине); вместо; типа’ и др.

Таблица 2. Количество отыменных послелогов, образованных от существительных разных семантических классов

Table 2. Amount of denominal postpositions derived from nouns of various semantic classes

Группа	Язык	Количество послелогов, образованных от существительных со значением...				Всего отыменных послелогов
		части тела	части объекта	части ландшафта	абстрактной сущности	
Нахские	бацбийский	1	3	2	0	6
	ингушский	2	3	1	2	8
	чеченский	1	5	1	1	7
	в среднем	1,3	3,7	1,3	1	7
Цезские	бежтинский	2	0	0	1	3
	гинухский	1	0	1	1	3
	гунзибский	1	0	0	0	1
	хваршинский	0	1	0	0	1
	цезский	0	1	0	0	1
	в среднем	0,8	0,4	0,2	0,4	1,8
Аваро-андийские	аварский	1	4	0	3	8
	андийский	1	0	0	2	3
	ахвахский	0	1	0	2	3
	багвалинский	1	2	0	3	6
	ботлихский	1	1	0	0	2
	годоберинский	2	1	0	2	5
	каратинский	0	1	0	0	1
	тиндинский	1	2	0	3	6
	чамалинский	0	3	0	3	6
	в среднем	0,8	1,7	0	2	4,4

Группа	Язык	Количество послелогов, образованных от существительных со значением...				Всего отыменных послелогов
		части тела	части объекта	части ланд- шафта	абстракт- ной сущности	
Даргинские	литературный	0	1	0	4	5
	ицаринский	0	1	0	0	1
	кубачинский	0	6	0	0	6
	мегебский	0	1	0	0	1
	хайдакский	1	0	0	0	1
	в среднем	0,2	1,8	0	0,8	2,8
Лезгинские	агульский	1	1	0	0	2
	арчинский	0	0	0	2	2
	будухский	1	7	0	0	8
	крызский	4	6	0	1	11
	лезгинский	3	7	0	3	13
	рутульский	5	4	0	0	9
	табасаранский	3	5	0	1	9
	удинский	1	2	1	1	5
	цахурский	2	4	0	1	7
	в среднем	2,2	4	0,1	1	7,3
	хиналугский	0	6	0	0	6

4. Грамматикализация послелогов из названий частей тела

Нахско-дагестанские языки различаются по тому, насколько широко в них представлены послелог, образованные от названий

частей тела. Они наиболее характерны для лезгинских языков, расположенных на юге ареала, а также, чуть в меньшей степени, для языков нахской ветви, расположенных на севере. Реже всего они встречаются в даргинских языках: даже в подробной грамматике литературного даргинского языка [Абдуллаев 1954] такие послелогои не приведены.

Далее в данном разделе я рассмотрю все встретившиеся в моей выборке пути грамматикализации послелогов от частей тела, разбив их на две части: типологически частотные и типологически редкие.

4.1. Типологически частотные пути грамматикализации адлогов от названий частей тела, встретившиеся в нахско-дагестанских языках

Типологическая частотность путей грамматикализации, которые будут описаны в этом разделе, плохо соотносится с частотностью данных путей грамматикализации внутри нахско-дагестанской семьи. Почти все они не выходят за пределы одной ветви, а зачастую и вовсе засвидетельствованы только в одном языке.

Единственный путь грамматикализации названия части тела, который встречается в более чем одной ветви, это ‘живот, желудок’ > ‘внутри’. Послелогои, образованные таким образом, встречаются во всех языках нахской ветви: бацбийский *ču*, ингушский *ču*, чеченский *ču* ‘в, внутри’ < **čVwV* ‘желудок, живот’ [Nikolaev, Starostin 1994] и в литературном аварском *čoxonib* ‘внутри’ < *čex* ‘живот, утроба’ [Айтемирова 2007: 7]. Грамматикализация в нахских, судя по всему, произошла на протоуровне, так как послелогои когнаты во всех трех языках, в том числе бацбийском, который отделился от ветви первым, согласно классификации [Koryakov 2002].

Грамматикализация ‘кишка’ > ‘в середине, среди’ произошла только в аваро-андийских языках: в аварском (*bał’ul* ‘среди, посередине’ < *bał’* ‘кишка’³), андийском (*boł’u* ‘между, среди’ < *boł’*

³ Послелог *bał’ul* синхронно совпадает с формой интер-эссива существительного *bał’*: *bał’-u-l* (кишка-OBL-INTER.ESS).

‘кишка’⁴), ботлихском (*baɫ'u* ‘среди’ < *baɫ'i* ‘кишка’⁵) и тиндинском (*baɫ'i* ‘между, среди’ < *baɫ'i* ‘кишка’). Послелог с таким же значением и внешним обликом есть и в годоберинском языке (*baɫ'u* ‘между’), однако в доступных источниках ([Kibrik et al. (eds.) 1996; Саидова 1973, 2006]) не зафиксировано других слов, однокоренных этому; существительное *ǝ:ak:ʷa* ‘кишка’ исторически восходит к другому корню [Nikolaev, Starostin 1994].

Целый ряд существительных грамматикализировался в послелогии со значением ‘перед чем-л.’: это существительные ‘глаз’, ‘лоб’ и ‘голова’. Грамматикализация ‘глаз’ > ‘перед чем-л.’ встречается в четырех лезгинских языках: *ʷulər* ‘перед’ < *ʷul* ‘глаз’ в будухском [Мейланова 1983: 208], *wilik* ‘перед’ < *wil* ‘глаз’ в лезгинском [Там же], *ulixde* ‘перед’ < *ul* ‘глаз’ в рутульском [Махмудова 2002] и *ulih* ‘перед’ < *ul* ‘глаз’ в табасаранском [Магометов 1965: 324]. М. Е. Алексеев и Т. И. Дешериева [Алексеев, Дешериева (ред.) 1985: 104–105] указывают, что в данных языках произошла контаминация существительного ‘глаз’ и наречий со значением ‘впереди’, возводимых к пралезгинскому уровню.

Грамматикализация *λ'ʷoq'o* ‘лоб’ > *λ'ʷoq'ar* ‘перед чем-л.’ произошла в гинухском языке (цезская ветвь; [Forker 2013: 378]). Данный послелог является синхронно членимым, что может говорить о его недавней грамматикализации, вкуче с тем, что данный путь грамматикализации не зафиксирован в других нахско-дагестанских языках.

Грамматикализация *bul* ‘голова’ > *best'a* ‘перед чем-л.’ произошла в удинском языке (лезгинская ветвь; [Schulze 2005]). Существительное ‘голова’ является источником грамматикализации послелогов в еще четырех лезгинских языках, однако пути их грамматикализации не относятся к типологически частотным, поэтому они будут рассмотрены в следующем разделе.

⁴ Послелог *boɫ'u* синхронно совпадает с косвенной основой существительного *boɫ'* ‘кишка’: *boɫ'-u* (кишка-OBL).

⁵ Послелог *baɫ'u* синхронно совпадает с формой супер-эссива существительного *baɫ'i* ‘кишка’: *baɫ'-u* (кишка-SUP.ESS).

В цахурском (лезгинский; [Сосенская 1999: 127]) произошла грамматикализация *aq* ^{wa} ‘лицо’ > *aq* ^{wali} ‘на’. Данный послелог, предположительно, грамматикализировался недавно, так как он синхронно морфологически членим и так как данный путь грамматикализации не зафиксирован в других лезгинских языках.

Грамматикализация ‘ухо’ > ‘на краю’, предположительно, произошла в багвалинском языке (аваро-андийская ветвь). Послелог *handali* ‘на краю’ может быть исторически связан с праандийским существительным **handi* ‘ухо’⁶. Современное багвалинское существительное *hanč’it’a* ‘ухо’ формально больше отличается от послелога, чем реконструированное существительное, что может говорить о том, что грамматикализация данного послелога произошла относительно давно. С другой стороны, в данном послелоге можно выделить синхронно существующий показатель INTER-локатива *-li* (см. список падежных показателей в [Кибрик и др. 2001: 141]).

4.2. Типологически редкие пути грамматикализации адлогов от названий частей тела, встретившиеся в нахско-дагестанских языках

Почти все типологически редкие пути грамматикализации редки и в нахско-дагестанских языках и чаще всего встречаются только в одном языке.

Существительное ‘лицо’ является источником грамматикализации послелогов в нескольких нахско-дагестанских языках. В хайдакском даргинском [Темирбулатова 2004: 221] и ингушском (нахский; [Nichols 2011: 403]) оно грамматикализировалось в послелог со значением ‘лицом к, напротив’ (хайдакский *dæʔčili* ‘лицом к чему-л.’ < *dæʔ* ‘лицо’, ингушский *duħal* ‘напротив’ < *juħ* ‘лицо’), а в рутульском — в послелог *xesimaj* ‘навстречу’ < *xesim* ‘лицо’ [Ибрагимов 1978: 110]. Данный путь грамматикализации встречается и за пределами

⁶ Праандийское **h* перешло в *h* во всех андийских языках [Nikolaev, Starostin 1994: 105].

нахско-дагестанской семьи: он зафиксирован в бари (нило-сахарский) и гарифуна (аравакский) [Svorou 1994: 249].

В ингушском зафиксирована грамматикализация *juħ* ‘лицо’ > *duħa* ‘для, от лица кого-л.’ [Nichols 2011: 402]. Подобный путь грамматикализации зафиксирован в языке халкомелем (салишский), где существительное ‘лицо’ грамматикализовалось в дативный аппликативный маркер [Gerds, Hinkson 2004].

Существительное ‘голова’ грамматикализовалось в лезгинских языках в послелого со следующими значениями: *q'aleɟ* ‘в конце’ < *q'il* ‘голова’ (крызский, [Authier 2009: 70]), *q'uɫe* ‘в начале’ < *q'ul* ‘голова’ (рутульский, [Махмудова 2002]), *q'iliw* ‘к’ < *q'il* ‘голова’ (лезгинский, [Haspelmath 1993: 220]) и *k'ullan* ‘вместо’ < *k'ul* ‘голова’ (табасаранский, [Магометов 1965: 327]). Рутульский и крызский послелого могли появиться под влиянием тюркских языков, где зафиксированы полисемия ‘голова, начало’ (азербайджанский [Azərbaycanca-rusca lüğət 2006: 237], кумыкский [Бамматов, Гаджихмедов 2013], ногайский [Баскаков 1963: 71]) и полисемия ‘голова, край, конец’ (кумыкский [Бамматов, Гаджихмедов 2013]). Коллексификации значений ‘голова’ и ‘конец’ и ‘голова’ и ‘начало’ зафиксированы в базе данных CLICS: ‘голова’ и ‘конец’ выражаются одним и тем же словом в 12 языках (индо-европейские, уральские, баскский и сино-тибетский язык лотха), в то время как коллексификация значений ‘голова’ и ‘начало’ встречается только в трех индо-европейских языках и терекеменском диалекте азербайджанского.

Пути грамматикализации ‘голова’ > ‘к’ и ‘голова’ > ‘вместо’ не упоминаются вне нахско-дагестанской семьи в доступных мне источниках.

В рутульском и крызском языках зафиксирована грамматикализация ‘хвост’ < ‘после, следом (и в пространственном, и в темпоральном значении)’ (*žibra* ‘следом’ < *žibir* ‘хвост’ в рутульском (полевые данные) и *čixeɟ* ‘после’ < *žij* ‘хвост’ в крызском [Authier 2009: 72]). Послелого образованы от когнатных существительных, однако крызский послелог синхронно не связан с исходным существительным, в то время как рутульский послелог представляет собой регулярно образованную пространственную форму существительного ‘хвост’: *žibr-a* ‘хвост-IN’.

Это может быть свидетельством того, что данная грамматикализация произошла в крызском и рутульском независимо (данные языки не контактировали в течение длительного времени, поэтому маловероятно, что это заимствование), причем в рутульском позже, чем в крызском.

Данный путь грамматикализации не упоминается в типологических работах, однако он нередко встречается за пределами нахско-дагестанской семьи. Адлоги со значением ‘сзади’, образованные от существительного ‘хвост’, встречаются в иранских языках (в талышском, зазаки, курдском и фарси [Özyurt 2016]). Также данный путь грамматикализации зафиксирован в занде (убангийский; [Pasch 2014: 212–213 через Gebreyes 2016: 7]) и двух афроазиатских языках: геэзе ([Leslau 1987: 631 по Gebreyes 2016: 25]) и оромо ([Gebreyes 2016: 53–58]).

Существительное ‘хвост’ как источник грамматикализации пространственных показателей замечательно тем, что это название части тела не человека, а животного. Исследователи выделяют две модели концептуализации частей тела: антропоморфную и зооморфную, причем зооморфная модель встречается в языках мира гораздо реже, чем антропоморфная [Svorou 1994: 74]. Существительное ‘хвост’ как источник грамматикализации послелогоа является примером кросслингвистически редкой зооморфной модели в нахско-дагестанских языках.

Упоминания грамматикализации *kil* ‘нога’ > *kali* ‘по причине’, которая произошла в крызском языке [Authier 2009: 71], не встречаются в доступной мне литературе, однако в [Сай (в печати)] среди источников грамматикализации причинных показателей упоминаются другие существительные, обозначающие части тела.

5. Грамматикализация послелогов из существительных, обозначающих части тела и части объектов

Некоторые существительные, являющиеся источниками грамматикализации нахско-дагестанских послелогов, обозначают как части тела, так и части объектов. К таким существительным относятся ‘бок, сторона’, ‘спина, тыл’ и ‘поясница, талия, середина’.

Послелогии, образованные от этих существительных, были вынесены в данный «промежуточный» раздел, потому что когнатные существительные в разных языках могут обозначать только часть тела (например, ‘бок’), могут иметь более общее значение и обозначать и часть тела, и часть объекта (‘бок, сторона’), а могут обозначать только часть объекта (‘сторона’). Рассматривать грамматикализации от таких когнатных существительных в одном разделе представляется более оптимальным решением, чем разводить очень близкие переходы по разным разделам из-за того, что синхронно когнатные существительные в разных языках имеют немного разные значения.

Существительное со значением ‘бок, сторона’ в ряде языков грамматикализировалось в послелог со значением ‘рядом, у’:

- аваро-андийские: *xolboq* ‘рядом’ < *xibil* ‘бок, сторона’ в аварском [Алексеев и др. 2012: 242], *esebaχ* ‘рядом’ < *eseb* ‘бок, сторона’ в багвалинском [Даниэль и др. 2001: 196], *isibala* ‘рядом’ < *isib* ‘сторона, бок’ в годоберинском [Fedorova 1996: 86], *esbaqe* ‘около’ < *esib* ‘бок, сторона’ в чамалинском [Магомедова 1999: 431–432];
- цезские: *šebła?* ‘рядом, около’ < *šeblo* ‘бок’ в бежтинском [Комри и др. 2015: 426], *puho* ‘рядом’ < *pu* ‘сторона, бок’ в хваршинском [Khalilova 2009: 134], *purho* ‘у, возле’ < *pu* ‘сторона, бок’ в цезском⁷;
- даргинские: *šulʔib* ‘около, рядом’ < *šali* ‘бок, сторона’ в литературном [Абдуллаев 1954: 199], *š:alličib* ‘рядом, у’ < *š:al* ‘бок’ в ицаринском [Sumbatova, Mutalov 2003: 95], *š:ule* ‘у, рядом’ < *š:al* ‘бок, сторона’ в санжинском [Forker 2020: 155]. В кубачинском даргинском зафиксировано два послелога с близкой семантикой: *š:ul* ‘рядом’ и *š:al* ‘со стороны’ [Магометов 1963: 245–246]. На основании их внешнего сходства с послелогами других даргинских идиомов можно сделать предположение, что они имеют общее происхождение и восходят

⁷ Данный послелог синхронно совпадает с апуд-эссивной формой существительного *pu* ‘сторона, бок’: *pu-r-ħo* (сторона-OBL-APUD).

к существительному со значением ‘бок, сторона’, однако существующие описания не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть это. То же касается мегебского послелого *š:ulʔe* ‘около, рядом’ [Магометов 1982: 125];

- лезгинские: *bugulih* ‘рядом’ < *bug* ‘сторона’ в агульском [Майсак 2014: 188], *badak* ‘около’ < *bad* ‘сторона, бок’ и *janʒe* ‘около, рядом’ < *jan* ‘сторона, бок’ в будухском [Талибов 2007: 240], крызские *bigila* ‘рядом, у’ < *beg* ‘ребро, бок’ [Authier 2009: 71] и *badov* ‘рядом, у’ (существительного с таким корнем нет в современном крызском языке, но у послелога есть когнаты в других лезгинских языках [Nikolaev, Starostin 1994]), *pakuw* ‘у, около, сбоку’ < *pag^w* ‘ребро’, *q^walaw* ‘рядом, у’ < *q^wal* ‘бок, сторона’ и *pataw* ‘рядом, у’ < *p:ad* ‘сторона’ в лезгинском [Мейланова 1983: 208, Haspelmath 1993: 220], *begida*, *bejda* ‘рядом, у’ < *beg* ‘бок, ребро’ в рутульском [Махмудова 2002], табасаранские *qəwalaq* ‘рядом’ < *qəwal* ‘бок, сторона’ [Магометов 1965: 324] и *bagax* ‘около, у’ (существительного с таким корнем нет в современном табасаранском языке, но у послелога есть когнаты в других лезгинских языках [Nikolaev, Starostin 1994]), *mugleki* ‘рядом’ < *migulⁱ* ‘бок’ и *janalⁱ* ‘около’ < *jan* ‘сторона, бок’ в цахурском [Сосенская 1999: 127].

В бежтинском, агульском и рутульском источник грамматикализации имеет только значение части тела. В крызском, лезгинском, табасаранском и цахурском есть и послелоги, образованные от существительного со значением ‘бок, ребро’ (только часть тела), и послелоги, образованные от существительного ‘сторона’. В будухском источниками грамматикализации обоих послелогов являются существительные, обозначающие часть объекта (не только часть тела). Данный путь грамматикализации частотен как среди языков нахско-дагестанской языковой семьи, так и типологически.

Существительные со значениями ‘спина, тыл’ и ‘поясница, талия, середина’ являются источниками грамматикализации послелога ‘сзади’ в следующих нахско-дагестанских языках:

- аваро-андийские: *тикаq* ‘за’ < *тик* ‘спина’ в аварском (зака- тальский диалект, [Саидова 2007: 176]), *raq’udara* ‘сзади’ < **=iq’^wV* ‘спина’ в годоберинском⁸;
- лезгинские: *jiq’ža* ‘за’ < *jiq* ‘спина’ в крызском [Authier 2009: 70], *q’uluq^h* ‘за, после’ < *k’ul* ‘спина, лопатка’ в лезгинском [Мейланова 1983: 208], *ji^εq’aχda* ‘за’ < *ji^εq* ‘спина, середина’ в рутульском [Махмудова 2002], *q’ālaq* ‘позади’ < *q’āl* ‘спина’ в табасаранском [Магомедов 1965: 324], *ji^εqq’aliⁱ* ‘за’ < *ji^εq* ‘спина’ в цахурском [Сосенская 1999: 127].

В аварском и годоберинском послелогии образованы от некогнатных существительных, что говорит о том, что данный паттерн был не унаследован из протоязыка, а появился в этих двух языках независимо. Годоберинское существительное имеет только значение части тела, в то время как аварское может обозначать и часть тела, и часть объекта. В лезгинских языках послелогии образованы от двух корней: послелогии когнатны в будухском, крызском, рутульском и цахурском с одной стороны и в лезгинском и табасаранском с другой. Такое распределение хорошо соответствует существующей классификации лезгинских языков (ср. [Koryakov 2002]), что может говорить о том, что грамматикализация произошла внутри подгрупп лезгинской ветви, когда языки еще окончательно не разошлись. Данный путь грамматикализации является типологически частотным.

⁸ Мое предположение о том, что данные послелог и существительное связаны, основано на следующих фактах. Знак «равно» в реконструкции означает, что данный корень сопровождался префиксальным показателем рода. В современном годоберинском языке префикс *r-* является маркером неличного множественного числа [Саидова 1973: 40]. Несмотря на то, что в современном годоберинском не зафиксировано существительного, которое являлось бы рефлексом данного корня, в других языках той же ветви присутствуют его когнаты, например, ахвахское *raq’^oλⁱ* ‘спина’. Данный послелог синхронно является производным (в годоберинском не зафиксировано однокоренных ему слов, и в нем не выделяются существующие в современном языке морфемы), грамматикализация должна была произойти в более раннем варианте годоберинского.

Во всех нахских, а также в ряде лезгинских языков произошла грамматикализация ‘поясница, талия’ > ‘посреди, в центре’.

- нахские: *juq* ‘в середине’ < *juq* ‘середина, поясница’ в бацбийском [Дешериев 1953: 210], *jiq’ie* ‘в центре, среди’ < *juq* ‘середина’ в ингушском [Nikolaev, Starostin 1994], *juq’a* ‘в середине’ < *juq* ‘середина’ чеченский [Ibid.];
- лезгинские: *jiq’ije* ‘на середине’ < *jiq’iž* ‘спина, поясница, середина’ в будухском [Мейланова 1983: 208], *juq’wa* ‘внутри, в середине’ < *juq* ‘середина, поясница’ в лезгинском [Там же], *ji’q’a* ‘среди’ < *ji’q* ‘спина, середина’ в рутульском (полевые данные), *q’ala* ‘посреди’ < *q’äl* ‘спина’ в табасаранском [Магомедов 1965: 325], *biw* в удинском (однокоренного послелого существительного в современном языке нет, однако есть параллели внутри ветви [Nikolaev, Starostin 1994]).

Послелого внутри обеих ветвей образованы от когнатных существительных. Совпадение значений ‘поясница, талия’ и ‘середина’ в одной лексеме не редко в языках мира: в базе данных CLICS колексификация этих значений встречается в 13 языках за пределами нахско-дагестанской семьи и в 21 языке всего.

Помимо существительных, которые синхронно могут обозначать и часть объекта, и часть тела, среди источников грамматикализации послелогов есть существительные, которые поменяли свое значение: исторически у них было значение части тела, а синхронно есть только значение части объекта. Неизвестно, что произошло раньше: грамматикализация послелогов от этих существительных, пока они еще имели значение части тела, или утрата этого значения.

К таким существительным относится андийское **bił:V*, диахронически связанное с послелогом ‘рядом, у’ в ахвахском (*bał’iq:e*), ботлихском (*beł’aru*), каратинском (*batt’ari*), тиндинском (*beł’araqa*) и чамалинском (*beł’ała*). Согласно [Nikolaev, Starostin 1994], исторически данное существительное имело значение ‘бок, талия’. В современных андийских языках данное существительное имеет значение ‘основание стены’ в тиндинском [Магомедова 2003: 577] и чамалинском [Магомедова 1999: 431] и ‘край’ в ботлихском (Кьяра Наккарато,

Самира Ферхеес, л. с.). И значение ‘бок’, и значение ‘край’ являются частотными источниками грамматикализации маркеров со значением ‘рядом’.

Подобный исторический процесс произошел и в аварском. Послелог со значением ‘на краю, рядом’ синхронно связан с существительным, имеющим значение ‘край’ [Алексеев и др. 2012: 242]. Согласно [Nikolaev, Starostin 1994], исторически данное существительное имело также значение ‘лицо’. Путь грамматикализации ‘лицо’ > ‘на краю’ не является типологически частотным, что может говорить о том, что в данном случае утрата существительным значения части тела произошла раньше, чем грамматикализация послелога. В пользу этого вывода говорит и тот факт, что синхронно послелог и существительное-источник прозрачно связаны: *raʃal-d-a* (край-LOC-ESS) ‘на краю’.

6. Грамматикализация послелогов из названий частей объектов

Названия частей объектов часто связаны с послелогам. Однако это не всегда грамматикализация вида СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ > ПОСЛЕЛОГ: в ряде случаев более вероятным выглядит предположение, что и существительное, и послелог образованы от общего корня параллельно.

В нахских и лезгинских языках существительное ‘дно’ связано с послелогом со значением ‘под’:

- нахские: *k'el* ‘под’ ~ *k'e:lo* ‘днище’ в чеченском [Мациев 1961: 609];
- лезгинские: *k'enak*: ‘внизу’ < *k'en* ‘дно’ в агульском⁹, *q'anik* ‘под’ < *q'an* ‘дно, подошва’ в будухском [Талибов 2007: 240], *q'anik* ‘под’ < *q'an* ‘дно’ в крызском [Authier 2009: 69], *k'anik* ‘под, внизу’ < *k'an* ‘дно’ в лезгинском [Haspelmath 1993: 219],

⁹ Данный послелог синхронно совпадает с суб-эссивной формой существительного *k'en* ‘дно’: *k'en-a-k*: (дно-OBL-SUB.ESS).

q'anexda 'под' < *q'an* 'дно' в рутульском (полевые данные),
k'anak: 'под' < *k'an* 'дно' в табасаранском [Магометов 1965: 325].

Направление связи между чеченскими существительным и послелогом неизвестно: они могли быть образованы от одного источника или один от другого, причем источником могло быть как существительное, так и наречие-послелог. В остальных языках образование послелога от существительного кажется наиболее вероятным. Данный путь грамматикализации является частотным.

В бацбийском (нахский) от существительного *bux* 'дно' образован послелог *bux* 'изнутри, со дна' [Дешериев 1953: 210]. Коллексификация значений 'дно' и 'внутри' встречается и за пределами нахско-дагестанской семьи: в базе данных CLICS она зафиксирована в языках Мезоамерики и Южной Америки аймара (аймара), кекчи (майяский), мапуче (изолят), матако (матакский), отоми (ото-мангский) и пуйнаве (изолят).

Помимо этого, Ю. Д. Дешериев связывает бацбийский послелог *k'ik'el* 'под' с существительным 'пространство под какой-нибудь вещью, навесом, домом, потолком', которое имеет ту же форму, что и послелог [Дешериев 1953: 210].

В багвалинском (аваро-андийский; [Даниэль и др. 2001: 196]), ингушском (нахский; [Nichols 2011: 404]), кубачинском даргинском [Магометов 1963: 247] и цахурском (лезгинский; [Сосенская 1999: 127]), как и в аварском (см. *Раздел 5*), от существительного 'край' образован послелог 'на краю, рядом' (багвалинский *balala* 'на краю' < *bala* 'край', ингушский *jistie* 'рядом' < *jist* 'край', кубачинский *lumib* 'на краю' < *lum* 'край', цахурский *geravil* 'рядом' < *gerav* 'край'). Данный путь грамматикализации является частотным.

В кубачинском даргинском [Магометов 1963: 246], крызском (лезгинский; [Authier 2009: 71]), лезгинском (лезгинский; [Алексеев, Дешериева (ред.) 1985: 106]) и хиналугском [Кибрик и др. 1972: 145] связаны существительное 'внутренность, внутренняя часть' и послелог 'внутри' (кубачинский *buk^{we}* 'внутри' ~ *bak^w* 'внутренность', крызский *jiq'ič'a* 'в' < *jiq'ič* 'внутренность', лезгинский *qene* 'внутри' < *qen* 'внутренность', хиналугский *ičir* 'внутри' < *ič* 'внутренность, внутренняя часть').

В будухском (лезгинский; [Талибов 2007: 240]), кубачинском даргинском [Магометов 1963: 246] и хиналугском [Кибрик и др. 1972: 145] послелог ‘на, над’ связан с существительным ‘верх’ (будухский *kada* ‘наверху’ ~ *kadiž* ‘верх’, кубачинский *qajib* ‘наверху’ ~ *qaj* ‘верх’, хиналугский *üstür* ‘на, над’ < *üst* ‘верхняя часть’).

В будухском (лезгинский; [Талибов 2007: 240]), хиналугском [Кибрик и др. 1972: 145] и чеченском (нахский; [Мациев 1961: 610]) связаны существительное ‘передняя сторона’ и послелог ‘перед’ (будухский *q’abaxžar* ‘спереди, прежде’ ~ *q’abax* ‘передняя сторона’, хиналугский *qabavir* ‘перед’ < *qabaq* ‘передняя часть, сторона’, чеченский *xalxa*: ‘впереди’ ~ *xalxe*: ‘место впереди, передняя сторона’).

В чеченском (нахский; [Мациев 1961: 610]) и хиналугском [Кибрик и др. 1972: 145] связаны существительное ‘задняя сторона’ и послелог ‘за, позади’ (чеченский *t’e:xa*: ‘позади’ ~ *t’e:xe*: ‘задняя часть, место позади’, хиналугский *dalir* ‘сзади, за’ < *dal* ‘оборот, оборотная сторона’). В другом нахском языке — ингушском [Nichols 2011: 404] — от существительного *jux* ‘задняя сторона’ образован послелог *jixie* ‘рядом’. Мне не удалось найти упоминаний изменения существительного ‘задняя сторона’ в ‘рядом’ в языках других семей.

В хиналугском и лезгинских языках зафиксирована грамматикализация ‘промежуток, середина’ > ‘между, среди’: хиналугский (*arar* ‘между, среди’, [Кибрик и др. 1972: 145]), будухский (*araža*, [Талибов 2007: 240]), крызский (*araža*, [Authier 2009: 73]), лезгинский (*arada*, [Haspelmath 1993: 221]), рутульский (*aridi*, [Махмудова 2002]), табасаранский (*araji*, [Магометов 1965: 325]), удинский (*q’ati* ‘между’ < *q’at* ‘промежуток’, [Schulze 2005]), цахурский (*arajlʷ*, [Сосенская 1999: 127]). Во всех перечисленных языках, кроме удинского, источником грамматикализации является заимствованное из азербайджанского существительное *ara*. Данный путь грамматикализации является типологически частотным.

В кубачинском даргинском [Магометов 1963: 247] и чеченском (нахский; [Мациев 1961: 609]) связаны существительное ‘место снаружи, внешняя сторона’ и послелог со значением ‘вне, наружу’ (кубачинский *tʷa* ‘вне, снаружи’ < *tʷala* ‘внешняя сторона’, чеченский *a:ra* ‘вне, наружу’ ~ *a:re*: ‘место снаружи, поле, степь’).

В трех аваро-андийских языках от существительного ‘сторона’ образован послелог ‘со стороны’: *raqal* ‘со стороны’ < *raq* ‘сторона’ в аварском [Айтемирова 2007: 7], *raqililo* ‘со стороны’ < *raqi* ‘сторона’ в тиндинском [Магомедова 2003: 576] и *raqdo*: ‘со стороны’ < *raq* ‘сторона’ в чамалинском [Магомедова 1999: 352]. Послелог в этих трех языках формально похож, что может говорить об их общем происхождении. Данный путь грамматикализации также является частотным.

В кубачинском даргинском связаны существительное *x:aj* ‘низ’ и послелог *x:ajib* ‘снизу’ [Магометов 1963: 247].

В крызском послелог *adeʕ* ‘на’ образован от существительного *ʕadi* ‘поверхность’ [Authier 2009: 69].

7. Грамматикализация послелогов из названий частей ландшафта

Послелог, образованные от названий частей ландшафта, встречаются в нахско-дагестанских языках редко. В основном источниками грамматикализации являются существительные, обозначающие части гор. Послелог, образованные от существительных данного семантического класса, встречаются, по моим данным, в языках, расположенных на севере нахско-дагестанского ареала.

В чеченском и ингушском (нахские; [Дешериев 1963: 488]) произошла грамматикализация: ‘вершина гор, гребень’ > ‘на’ (чеченский *t'e* ‘на’, ингушский *t'ie* ‘на’ < *t'eja* ‘вершина гор, гребень’). Послелог в этих языках образованы от когнатных существительных, данная грамматикализация, скорее всего, произошла еще до полного разделения чеченского и ингушского языков.

В гинухском (цезский; [Forker 2013: 384]) произошла грамматикализация *pur* ‘горный склон’ > *purho* ‘рядом’. Данный послелог образован от существительного, которое, судя по формальным признакам и значению, когнатно существительным со значением ‘сторона’ в других цезских языках. Возможно, гинухский послелог ‘рядом’ появился в языке еще до того, как существительное *pur* утратило значение ‘сторона’.

Мне не удалось найти упоминаний перечисленных выше путей грамматикализации за пределами нахско-дагестанской семьи.

В бацбийском (нахский; [Дешериев 1953: 210]) также есть послелог, образованный не от существительного, связанного с горным ландшафтом: *n̄hai* ‘выход’ > *n̄hai* ‘из’. Близкий путь грамматикализации упомянут в [Kuteva et al. 2019]: ‘покидать’ > АБЛАТИВ.

8. Грамматикализация послелогов из абстрактных существительных

Абстрактные существительные являются распространенным источником грамматикализации послелогов в нахско-дагестанских языках.

Самым распространенным путем грамматикализации является ‘место’ > ‘вместо’. Данный путь зафиксирован в языках всех ветвей:

- нахские: *mettel* ‘вместо’ < *mott* ‘место’ в ингушском [Nichols 2011: 403], *metta* ‘вместо’ < *mettig* ‘место’ в чеченском [Nichols 1994: 29];
- цезские: *mica?* ‘вместо’ < *mäçe* ‘место’ в бежтинском [Комри и др. 2015: 425], *moča*: ‘вместо’ < *moči* ‘место’ в гинухском [Forker 2013: 393];
- аваро-андийские: *bak'alda* ‘вместо’ < *bak* ‘место’ в аварском [Алексеев и др. 2012: 243], *misalʔa* ‘вместо’ в андийском (Айгуль Закирова, л. с.), *mišalune* ‘вместо’ < *miša* ‘место’ в ахвахском [Магомедова, Абдулаева 2007: 702], *mak'ala* ‘вместо’ < *mak'a* ‘место’ в багвалинском [Даниэль и др. 2001: 196], *musula* ‘вместо’ < *musa* ‘место’ в годоберинском [Sosenskaia, Tatevosov 1996: 165], *mak'wela* ‘вместо’ < *mak'wa* ‘место’ тиндинский [Магомедова 2003: 576], *mak'aʔa* ‘вместо’ в чамалинском ¹⁰;

¹⁰ Данный послелог синхронно совпадает с интер-эссивной формой существительного *mak'a* ‘место’: *mak'a-ʔa* (место-INTER).

- литературный даргинский (*merla* ‘вместо’ < *mer* ‘место’) ¹¹;
- лезгинские: *čkadal* ‘вместо’ < *čka* ‘место’ в лезгинском [Haspel-math 1993: 223], *ganu* ‘вместо’ < *ga* ‘место’ удинский [Schulze 2005].

Нахские послелогои образованы от когнатных существительных, что может свидетельствовать о том, что данная грамматикализация произошла в тот момент, когда чеченский и ингушский еще не разошлись окончательно.

Цезские послелогои также образованы от когнатных существительных, однако здесь возможно как объяснение через общее происхождение, так и контактный сценарий, поскольку большинство носителей гинухского владеет бежтинским языком (по данным [Dobrushina et al. 2017]).

Аваро-андийские послелогои образованы от двух разных корней: исходные существительные когнатны в аварском, багвалинском, тиндинском и чамалинском с одной стороны и в андийском, ахвахском и годоберинском — с другой. Такое разделение плохо соответствует существующей классификации аваро-андийских языков (ср. [Когутаков 2002]), что может говорить о том, что данный паттерн распространился среди аваро-андийских языков благодаря контактам.

Лезгинские послелогои некогнатны друг другу, грамматикализация ‘место’ > ‘вместо’, скорее всего, произошла в них независимо. Послелогои с таким же значением есть также в рутульском и табасаранском, однако в этих языках они являются заимствованием из азербайджанского, где существительное *yer-in-ə* (место-3POSS-DAT) употребляется в значении ‘вместо’. Не исключено, что лезгинский и удинский заимствовали паттерн из азербайджанского.

Данный путь грамматикализации является частотным не только внутри нахско-дагестанской семьи, но и вообще в языках мира: многочисленные примеры даны в [Kuteva et al. 2019: 334].

¹¹ Данный послелог синхронно совпадает с формой родительного падежа существительного *mer* ‘место’: *mer-la* (место-GEN).

В лезгинском и крызском (лезгинские; [Алексеев, Дешериева (ред.) 1985: 106]) произошла грамматикализация ‘место’ > ‘рядом с чем-л.’ (лезгинский *tiq’iw* ‘рядом, около’, крызский *teq’aw* ‘близко’). Происхождение послелогов можно установить только в результате сравнения с близкородственными языками, что является свидетельством того, что это не недавняя грамматикализация. Послелог в этих двух языках когнатны, а исходные существительные не сохранились, что может говорить о том, что они являются рефлексам исторически существовавшего послелога, который был утерян другими языками лезгинской ветви. Данный путь грамматикализации типологически частотен, см. [Kuteva et al. 2019: 333].

В бацбийском (нахский; [Дешериев 1953: 210]) и удинском (лезгинский; [Schulze 2005]) произошла грамматикализация ‘высота, вершина’ > ‘на, над’ (бацбийский *laqış* ‘сверху’ < *laq* ‘высота, вершина’, удинский *laxo* ‘на’ < *al* ‘вершина’). Послелог в этих двух языках вероятнее всего были образованы независимо: бацбийский и удинский находятся почти на противоположных концах ареала, они не близкородственны и не контактировали между собой.

Частотным в нахско-дагестанских языках источником грамматикализации являются существительные со значением ‘причина’ > ‘по причине, для’. Данный путь грамматикализации засвидетельствован почти во всех ветвях нахско-дагестанской семьи:

- нахские: ингушский (*baħancie*, [Nichols 2011: 405]);
- аваро-андийские: аварский (*sabablun*, [Рамазанова 2009: 7]), андийский (*sabablij*, (Айгуль Закирова, л. с.)), багвалинский (*saballi*, [Кибрик и др. 2001: 754]), годоберинский (*sabalo*)¹², тиндинский (*sabalo*, [Магомедова 2003: 576]), чамалинский (*sabali*)¹³;

¹² В данном послелогe можно выделить пространственную частицу *-lo*, однако ее сочетаемость и употребление не ясны из источников.

¹³ Предположение о происхождении данного послелога от чамалинского существительного *sabab* ‘причина’ сделано на основе сравнения с другими аваро-андийскими языками. Является ли данный послелог синхронно морфологически членимым, на основании имеющихся описаний установить не удалось.

- даргинские: литературный (*baḥandan*)¹⁴, санжинский (*bahanne*, [Forker 2020: 158]);
- лезгинские: арчинский (*sababši*)¹⁵.

Источниками данной грамматикализации являются заимствованные существительные *sabab* (из арабского) и *baha:na* (из персидского). Послелог, образованный от существительного *sabab*, встречается в аваро-андийских языках и арчинском, в то время как санжинский и ингушский послелог образованы от существительного *baha:na*. В литературном даргинском есть послелог, образованный от обоих существительных. Аварский послелог *sababhun* заимствован в ряде цезских языков: бежтинский [Халилов 1995: 408], гинухский [Forker 2013: 391], хваршинский [Khalilova 2009: 134] и цезский [Polinsky 2015: 115]. Данный путь грамматикализации широко распространен в языках мира [Сай (в печати)].

Заимствованное из арабского существительное *ḥaqq* ‘плата, истина’ (в арабском это существительное имеет значение ‘право, собственность’) является частотным источником грамматикализации послелогов со значением ‘о, про’ в нахско-дагестанских языках.

- аваро-андийские: аварский (*ḥaq':alul*, [Рамазанова 2009: 7]), ахвахский (*ḥaq':elige*, [Магомедова, Абдулаева 2007: 702]), багвалинский (*ḥaql:il:*, [Даниэль и др. 2001: 196]), тиндинский (*ḥaq'ilj*, [Магомедова 2003: 576]), чамалинский (*ḥaq'λa*)¹⁶;
- литературный даргинский (*ḥeq'lizib*, [Абдуллаев 1954: 207]);
- лезгинские: арчинский (*ḥaq'liql*), лезгинский (*ḥaqqindaj*), табасаранский (*ḥāq'naʔan*), цахурский (*ha'k'e:*).

¹⁴ Данный послелог не является полностью морфологически членимым: в нем можно выделить корень (*baḥana* ‘предлог, мотив, причина’), однако суффикс *-dan* не упоминается в источниках.

¹⁵ Данный послелог образован от существительного *sabab* при помощи адвербиализатора *-ši*.

¹⁶ Данный послелог синхронно совпадает с интер-эссивной формой существительного *ḥaq'* ‘пошлина’: *ḥaq'-λa* (пошлина-INTER).

Вероятно, этот паттерн распространился контактно. Данный послелог не мог быть заимствован из общего предка, т. к. первое появление арабов в Дагестане датируется VII веком н. э. [Забитов 2001]. К этому времени произошел распад не только нахско-дагестанской языковой семьи, но и распад всех ветвей [Когуаков 2002]. Данный путь грамматикализации не является типологически частотным, поэтому грамматикализация послелогов в каждом языке изолированно от других представляется маловероятной. В самом арабском данный путь грамматикализации не зафиксирован. Паттерн мог быть заимствован из тюркских языков, соседствующих с нахско-дагестанскими, ср. азербайджанский послелог *haqq-in-da* (право-Зрсс-лос) ‘о, про’.

9. Заключение

Имена являются частым диахроническим источником нахско-дагестанских послелогов. Послелогии различаются по времени грамматикализации: в некоторых случаях связь между существительным-источником и послелогом очевидна на синхронном уровне, также существуют случаи, когда синхронно существительное-источник и послелог являются независимыми.

Существительные всех семантических классов, перечисленных в [Nagège 2010: 163], встречаются в качестве источников нахско-дагестанских послелогов. Послелогии, образованные от существительных, обозначающих части ландшафта, встречаются в семье наиболее редко. Существительные, обозначающие части объектов, являются самым распространенным источником грамматикализации послелогов среди языков нахско-дагестанской семьи. Послелогии, образованные от существительных других семантических классов, распределены по ветвям неравномерно: названия частей тела как источник послелогов характерны для лезгинских и нахских языков, в то время как послелогии, образованные от абстрактных понятий, наиболее типичны для аваро-андийских языков.

Кросслингвистическая частотность путей грамматикализации пространственных показателей не соотносится напрямую с частотностью этих же путей внутри нахско-дагестанской семьи. Существуют такие кросслингвистически частотные пути грамматикализации, которые часто встречаются среди нахско-дагестанских языков (например, грамматикализация ‘сторона, бок’ > ‘рядом, у’), и такие, которые встречаются редко (например, грамматикализация ‘лоб’ > ‘перед’, зафиксированная только в гинухском языке). И наоборот: среди кросслингвистически редких путей грамматикализации есть такие, которые редки и в нахско-дагестанских языках:

- ‘нога’ > ‘по причине’ в крызском;
- ‘голова’ > ‘к’ в лезгинском и ‘голова’ > ‘вместо’ в табасаранском;
- ‘задняя сторона’ > ‘рядом’ в ингушском;
- грамматикализация послелогов из обозначений частей ландшафта: ‘вершина гор, гребень’ > ‘на’ в чеченском и ингушском, а также ‘горный склон’ > ‘рядом’ в гинухском. Замечательно, что источником грамматикализации в обоих случаях являются существительные, обозначающие части гор, что, конечно, связано с особенностями географии Кавказа.

Также в нахско-дагестанских языках встречаются такие пути грамматикализации, которые распространены внутри семьи (например, грамматикализация ‘право, истина, плата’ > ‘о, про’), но редки типологически. Вероятнее всего, они распространились благодаря контактам.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; AD — локализация ‘у’; CONT — локализация ‘на поверхности, в контакте’; DAT — датив; ESS — эссив; IN — локализация ‘в’; LOC — локатив; OBL — косвенная основа; POSS — посессив; SUP — локализация ‘на’.

Литература

Абдуллаев 1954 — С. Н. Абдуллаев. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: ДГПУ, 1954.

- Айтемирова 2007 — А. Х. Айтемирова. Функционально-семантическая характеристика послелогов аварского языка и предлогов немецкого языка. Автореферат ... дисс. канд. филол. наук. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007.
- Алексеев, Дешериева (ред.) 1985 — М. Е. Алексеев, Т. И. Дешериева (отв. ред.). Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков: морфология, синтаксис. М.: Наука, 1985.
- Алексеев и др. 2012 — М. Е. Алексеев, Б. М. Атаев, М. А. Магомедов, М. И. Магомедов, Г. И. Мадиева, П. А. Саидова, Дж. С. Самедов. Современный аварский язык. Махачкала: АЛЕФ, 2012.
- Бамматов, Гаджихамедов 2013 — Б. Г. Бамматов, Н. Э. Гаджихамедов. Кумыкско-русский словарь. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013.
- Басаков 1963 — Н. А. Басаков. Ногайско-русский словарь. Черкесск: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963.
- Даниэль и др. 2001 — М. А. Даниэль, Н. Р. Добрушина, Т. Б. Сосенская, С. Г. Татевосов. Деривационная морфология // А. Е. Кибрик, К. И. Казенин, Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов (ред.). Багвалинский язык: грамматика, тексты, словари. М.: Наследие, 2001.
- Дешериев 1953 — Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык: фонетика, морфология, синтаксис, лексика. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953.
- Дешериев 1963 — Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный: Чечено-ингушское книжное изд-во, 1963.
- Забитов 2001 — С. М. Забитов. Арабизмы в лексике восточнокавказских языков. М.: Институт языкознания РАН, 2001.
- Ибрагимов 1978 — Г. Х. Ибрагимов. Рутульский язык. М.: Наука, 1978.
- Кибрик и др. 1972 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. П. Оловяникова. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М.: Изд-во Московского университета, 1972.
- Кибрик и др. 2001 — А. Е. Кибрик, К. И. Казенин, Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов. Багвалинский язык: грамматика, тексты, словари. М.: Наследие, 2001.
- Комри и др. 2015 — Б. Комри, М. Ш. Халилов, З. М. Халилова. Грамматика бежтинского языка: фонетика, морфология, словообразование. Лейпциг; Махачкала: Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка, 2015.
- Магомедова 1999 — П. Т. Магомедова. Чамалинско-русский словарь. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1999.
- Магомедова 2003 — П. Т. Магомедова. Тиндинско-русский словарь. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2003.
- Магомедова, Абдулаева 2007 — П. Магомедова, И. Абдулаева. Ахвахско-русский словарь. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2007.

- Магомедов 1963 — А. А. Магомедов. Кубачинский язык (Исследование и тексты). Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1963.
- Магомедов 1965 — А. А. Магомедов. Табасаранский язык: исследование и тексты. Тбилиси: Мецниереба, 1965.
- Магомедов 1982 — А. А. Магомедов. Мегебский диалект даргинского языка: Исследование и тексты. Тбилиси: Мецниереба, 1982.
- Майсак 2014 — Т. А. Майсак. Агульские тексты 1900–1960-х годов. М.: Academia, 2014.
- Махмудова 2002 — С. М. Махмудова. Грамматические классы слов и грамматические категории рутульского языка. Дисс. ... докт. филол. наук. Махачкала: ДГУ, 2002.
- Мациев 1961 — А. Г. Мациев. Нохчийн-оьрсийн словарь. Чеченско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961.
- Мейланова 1983 — У. А. Мейланова. Функционирование и развитие некоторых послелогов лезгинского и будухского языков // Н. Т. Табулова, Р. Х. Темирова (ред.). Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1983. С. 207–212.
- Рамазанова 2009 — Р. М. Рамазанова. Послелогии в аварском языке в их сопоставлении с английскими пространственными предлогами в непространственном значении. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, ДГУ, 2009.
- Саидова 1973 — П. А. Саидова. Годоберинский язык: грамматический очерк, тексты, словарь. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1973.
- Саидова 2006 — П. А. Саидова. Годоберинско-русский словарь. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2006.
- Саидова 2007 — П. А. Саидова. Закатальский диалект аварского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007.
- Сай (в печати) — С. С. Сай. Именные причинные конструкции: параметры типологической вариативности и исследовательская анкета // Н. М. Заика (ред.). Типология причинных конструкций. СПб. В печати.
- Сосенская 1999 — Т. Б. Сосенская. Послелог // А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999.
- Талибов 2007 — Б. Б. Талибов. Будухский язык. М.: Academia, 2007.
- Темирбулатова 2004 — С. М. Темирбулатова. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2004.
- Халилов 1995 — М. Ш. Халилов. Бежтинско-русский словарь. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1995.
- Authier 2009 — G. Authier. *Éléments de grammaire Kryz (dialecte d'Alik, langue caucasique d'Azerbaïdjan)*. Paris: Peeters, 2009.

- Azərbaycanca-rusca lüğət 2006 — Azərbaycanca-rusca lüğət [Азербайджанско-русский словарь]. Dörd cildə. I cild. Bakı: Şərq-Qərb, 2006.
- DeLancey 2011 — S. DeLancey. Grammaticalization and syntax: A functional view // The Oxford Handbook of Grammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 365–377. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199586783.013.0029.
- Dobrushina et al. 2017 — N. Dobrushina, D. Staferova, A. Belokon (eds.). Atlas of Multilingualism in Dagestan Online. Linguistic Convergence Laboratory, Higher School of Economics, 2017. URL: <https://multidagestan.com> (дата обращения 23.07.2020).
- Fedorova 1996 — O. Fedorova. Usage of nominal forms // A. E. Kibrik (ed.); S. G. Tatevosov, A. Eulenberg (assistant eds.). Godoberi. Vol. 2. München: Lincom Europa, 1996. P. 75–90.
- Forker 2013 — D. Forker. A Grammar of Hinuq. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. DOI: 10.1515/9783110303971.
- Forker 2020 — D. Forker. A Grammar of Sanzhi Dargwa. Berlin: Language Science Press, 2020.
- Gebreyes 2016 — A. S. Gebreyes. Grammaticalization in Ethiosemitic with Comparisons to Oromo. Doctoral dissertation. Addis Ababa: Addis Ababa University, 2016.
- Gerdts, Hinkson 2004 — D. B. Gerdts, M. Q. Hinkson. The grammaticalization of Halkomelem ‘face’ into a dative applicative suffix // International Journal of American Linguistics. 2004. Vol. 70. № 3. P. 227–250. DOI: 10.1086/425600.
- Hagège 2010 — C. Hagège. Adpositions. Oxford: Oxford University Press, 2010. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199575008.001.0001.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. A Grammar of Lezgian. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Khalilova 2009 — Z. Khalilova. A Grammar of Khwarshi. Doctoral dissertation. Utrecht: LOT, Netherlands Graduate School of Linguistics, 2009.
- Kibrik et al. (eds.) 1996 — A. E. Kibrik (ed.); S. G. Tatevosov, A. Eulenberg (assistant eds.). Godoberi. Vol. 2. München: Lincom Europa, 1996.
- Koryakov 2002 — Yu. Koryakov. Atlas of the Caucasian Languages. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2002.
- Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Moroz 2017 — G. Moroz. Lingtypology: Easy Mapping for Linguistic Typology, 2017. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology> (дата обращения 15.02.2021).
- Nichols 1994 — J. Nichols. Chechen // R. Smeets (ed.). The Indigenous Languages of the Caucasus 4. Delmar; New York: Caravan Books, 1994. P. 1–77.
- Nichols 2011 — J. Nichols. Ingush Grammar. Berkeley: University of California Press, 2011.

- Nikolaev, Starostin 1994 — S. Nikolaev, S. Starostin. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow: Asterisk, 1994.
- Polinsky 2015 — M. Polinsky. Tsez Syntax: A Description. Manuscript. Cambridge, MA: Harvard University, 2015.
- Schulze 2005 — W. Schulze. A Functional Grammar of Udi. Manuscript. 2005.
- Sosenskaja, Tatevosov 1996 — T. Sosenskaja, S. Tatevosov. Substitutive constructions // A. E. Kibrik (ed.); S. G. Tatevosov, A. Eulenberg (assistant eds.). *Godoberi*. Vol. 2. München: Lincom Europa, 1996. P. 164–166.
- Sumbatova, Mutalov 2003 — N. R. Sumbatova, R. O. Mutalov. A Grammar of Icarí Dargwa. München: Lincom Europa, 2003.
- Svorou 1994 — S. Svorou. The Grammar of Space. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1994. DOI: 10.1075/tsl.25.

References

- Abdullayev 1954 — S. N. Abdullayev. *Grammatika darginskogo yazyka (fonetika i morfologiya)* [Grammar of Dargwa Language (Phonetics and Morphology)]. Makhachkala: Dagestanian State Pedagogical University, 1954.
- Alekseyev et al. 2012 — M. E. Alekseyev, B. M. Atayev, M. A. Magomedov, M. I. Magomedov, G. I. Madiyeva, P. A. Saidova, Dzh. S. Samedov. *Sovremennyy avarskiy yazyk* [Modern Avar Language]. Makhachkala: ALEF, 2012.
- Alekseyev, Desheriyeva (eds.) 1985 — M. E. Alekseyev, T. I. Desheriyeva (eds.). *Voprosy sravnitel'no-istoricheskoy grammatiki lezginskikh yazykov: morfologiya, sintaksis* [Issues of Comparative Grammar of Lezgian Languages: Morphology, Syntax]. Moscow: Nauka, 1985.
- Authier 2009 — G. Authier. *Éléments de grammaire Kryz (dialecte d'Alik, langue caucasique d'Azerbaïdjan)*. Paris: Peeters, 2009.
- Aytemirova 2007 — A. Kh. Aytemirova. *Funktsionalno-semanticheskaya kharakteristika poslelogov avarskogo yazyka i predlogov nemetskogo yazyka* [Functional-semantic Characteristics of Avar Postpositions and German Prepositions]. Author's abstract of candidate thesis. Makhachkala: Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Centre, 2007.
- Azərbaycanca-rusca lüğət 2006 — *Azərbaycanca-rusca lüğət* [Azerbaijani-Russian Dictionary]. Dörd cildə. I cild. Bakı: Şərq-Qərb, 2006.
- Bammatov, Gadzhiakhmedov 2013 — B. G. Bammatov, N. E. Gadzhiakhmedov. *Kumyksko-russkiy slovar* [Kumyk-Russian Dictionary]. Makhachkala: Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Centre of RAS, 2013.

- Baskakov 1963 — N. A. Baskakov. *Nogaysko-russkiy slovar* [Nogai-Russian Dictionary]. Cherkessk: Gosudarstvennoye izdatelstvo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1963.
- Comrie et al. 2015 — B. Comrie, M. Sh. Khalilov, Z. M. Khalilova. *Grammatika bezhtinskogo yazyka: fonetika, morfologiya, slovoobrazovaniye* [Grammar of Bezhta Language: Phonetics, Morphology, Word Formation]. Leipzig; Makhachkala: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2015.
- Daniel et al. 2001 — M. A. Daniel, N. R. Dobrushina, T. B. Sosenskaya, S. G. Tatevosov. *Derivatsionnaya morfologiya* [Derivational morphology]. A. E. Kibrik, K. I. Kazenin, E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov (eds.). *Bagvalinskiy yazyk: grammatika, teksty, slovari* [Bagvalal Language: Grammar, Texts, Dictionary]. Moscow: Naslediye, 2001.
- DeLancey 2011 — S. DeLancey. Grammaticalization and syntax: A functional view. *The Oxford Handbook of Grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 365–377. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199586783.013.0029.
- Desheriyev 1953 — Yu. D. Desheriyev. *Batsbiyskiy yazyk: fonetika, morfologiya, sintaksis, leksika* [Batsbi Language: Phonetics, Morphology, Syntax, Lexicon]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1953.
- Desheriyev 1963 — Yu. D. Desheriyev. *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika nakhskikh yazykov i problemy proiskhozhdeniya i istoricheskogo razvitiya gorskikh kavkazskikh narodov* [Comparative Grammar of Nakh Languages and Issues of Origins and Historical Development of Montane People of Caucasus]. Groznyy: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatelstvo, 1963.
- Dobrushina et al. 2017 — N. Dobrushina, D. Staferova, A. Belokon (eds.). *Atlas of Multilingualism in Dagestan Online*. Linguistic Convergence Laboratory, Higher School of Economics, 2017. Available at: <https://multidagestan.com> (accessed on 23.07.2020).
- Fedorova 1996 — O. Fedorova. Usage of nominal forms. A. E. Kibrik (ed.); S. G. Tatevosov, A. Eulenberg (assistant eds.). *Godoberi*. Vol. 2. München: Lincom Europa, 1996. P. 75–90.
- Forker 2013 — D. Forker. *A Grammar of Hinuq*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. DOI: 10.1515/9783110303971.
- Forker 2020 — D. Forker. *A Grammar of Sanzhi Dargwa*. Berlin: Language Science Press, 2020.
- Gebreyes 2016 — A. S. Gebreyes. *Grammaticalization in Ethiosemitic with Comparisons to Oromo*. Doctoral dissertation. Addis Ababa: Addis Ababa University, 2016.
- Gerdts, Hinkson 2004 — D. B. Gerdts, M. Q. Hinkson. The grammaticalization of Halcomelem ‘face’ into a dative applicative suffix. *International Journal of American Linguistics*. 2004. Vol. 70. No. 3. P. 227–250. DOI: 10.1086/425600.

- Hagège 2010 — C. Hagège. *Adpositions*. Oxford: Oxford University Press, 2010. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199575008.001.0001.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. *A Grammar of Lezgian*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Ibragimov 1978 — G. Kh. Ibragimov. *Rutulskiy yazyk* [Rutul Language]. Moscow: Nauka, 1978.
- Khalilov 1995 — M. Sh. Khalilov. *Bezhtinsko-russkiy slovar* [Bezhta-Russian Dictionary]. Makhachkala: Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Centre of RAS, 1995.
- Khalilova 2009 — Z. Khalilova. *A Grammar of Khwarshi*. Doctoral dissertation. Utrecht: LOT, Netherlands Graduate School of Linguistics, 2009.
- Kibrik et al. 1972 — A. E. Kibrik, S. V. Kodzasov, I. P. Olovyannikova. *Fragmen-ty grammatiki khinalugskogo yazyka* [Fragments of Grammar of Khinalug Language]. Moscow: Moscow State University Press, 1972.
- Kibrik et al. (eds.) 1996 — A. E. Kibrik (ed.); S. G. Tatevosov, A. Eulenberg (assistant eds.). *Godoberi*. Vol. 2. München: Lincom Europa, 1996.
- Kibrik et al. 2001 — A. E. Kibrik, K. I. Kazenin, E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov. *Bagvalinskiy yazyk: grammatika, teksty, slovari* [Bagvalal Language: Grammar, Texts, Dictionary]. Moscow: Naslediye, 2001.
- Koryakov 2002 — Yu. Koryakov. *Atlas of the Caucasian Languages*. Moscow: Institute of Linguistics of RAS, 2002.
- Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Magomedova 1999 — P. T. Magomedova. *Chamalinsko-russkiy slovar* [Chamalal-Russian Dictionary]. Makhachkala: Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Centre of RAS, 1999.
- Magomedova 2003 — P. T. Magomedova. *Tindinsko-russkiy slovar* [Tindi-Russian Dictionary]. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of RAS Press, 2003.
- Magomedova, Abdulayeva 2007 — P. Magomedova, I. Abdulayeva. *Akhvakhsko-russkiy slovar* [Akvakh-Russian Dictionary]. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of RAS Press, 2007.
- Magometov 1963 — A. A. Magometov. *Kubachinskiy yazyk (Issledovaniye i teksty)* [Kubachi Language (Research and Texts)]. Tbilisi: Georgian Academy of Sciences Press, 1963.
- Magometov 1965 — A. A. Magometov. *Tabasaranskiy yazyk: issledovaniye i teksty* [Tabasaran Language: Research and Texts]. Tbilisi: Metsniyereba, 1965.
- Magometov 1982 — A. A. Magometov. *Megebskiy dialekt darginskogo yazyka: Issledovaniye i teksty* [Mehweb Dialect of Dargwa: Research and Texts]. Tbilisi: Metsniyereba, 1982.

- Maisak 2014 — T. A. Maisak. *Agul'skiye teksty 1900–1960-kh godov* [Agul Texts of 1900–1960 Years]. Moscow: Academia, 2014.
- Makhmudova 2002 — S. M. Makhmudova. *Grammaticheskiye klassy slov i grammaticheskiye kategorii rutul'skogo yazyka* [Grammatical classes of words and grammatical categories of Rutul language]. Doctoral thesis. Makhachkala: Dagestan State University, 2002.
- Matsiyev 1961 — A. G. Matsiyev. *Nokhchiyn-orsiyn slovar: Chechensko-russkiy slovar* [Chechen-Russian Dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1961.
- Meylanova 1983 — U. A. Meylanova. *Funktsionirovaniye i razvitiye nekotorykh poslelogov lezginskogo i budukhskogo yazykov* [Functioning and development of some postpositions in Lezgian and Budugh]. N. T. Tabulova, R. Kh. Temirova (eds.). *Sistema preverbov i poslelogov v iberiysko-kavkazskikh yazykakh* [System of Verbal Prefixes and Postposition in Iberian-Caucasian Languages]. Cherkessk: Stavropolskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1983. P. 207–212.
- Moroz 2017 — G. Moroz. *Lingtypology: Easy Mapping for Linguistic Typology*, 2017. Available at: <https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology> (accessed on 15.02.2021).
- Nichols 1994 — J. Nichols. Chechen. R. Smeets (ed.). *The Indigenous Languages of the Caucasus 4*. Delmar; New York: Caravan Books, 1994. P. 1–77.
- Nichols 2011 — J. Nichols. *Ingush Grammar*. Berkeley: University of California Press, 2011.
- Nikolaev, Starostin 1994 — S. Nikolaev, S. Starostin. *A North Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk, 1994.
- Polinsky 2015 — M. Polinsky. *Tsez Syntax: A Description*. Manuscript. Cambridge, MA: Harvard University, 2015.
- Ramazanova 2009 — R. M. Ramazanova. *Poslelogi v avarskom yazyke v ikh sopostavlenii s angliyskimi prostranstvennymi predlogami v neprostranstvennom znachenii* [Avar postpositions in comparison to English locative prepositions in non-locative meaning]. Author's abstract of candidate thesis. Makhachkala: Dagestan State University, 2009.
- Saidova 1973 — P. A. Saidova. *Godoberinskiy yazyk: grammaticheskiy ocherk, teksty, slovar* [Godoberi Language: Grammatical Sketch, Texts, Dictionary]. Makhachkala: Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences, 1973.
- Saidova 2006 — P. A. Saidova. *Godoberinsko-russkiy slovar* [Godoberi-Russian Dictionary]. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of RAS Press, 2006.
- Saidova 2007 — P. A. Saidova. *Zakatal'skiy dialekt avar'skogo yazyka* [Zakatala Dialect of Avar Language]. Makhachkala: Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Centre of RAS, 2007.

- Say (in print) — S. S. Say. Imennyye prichinnyye konstruksii: parametry tipologicheskoy variativnosti i issledovatel'skaya anketa [Nominal causal constructions: Parameters of typological variability and questionnaire]. N. M. Zaika (ed.). *Tipologiya prichinnykh konstruksiy* [Typology of Causal Constructions]. St. Petersburg. In print.
- Schulze 2005 — W. Schulze. *A Functional Grammar of Udi*. Manuscript. 2005.
- Sosenskaya 1999 — T. B. Sosenskaya. Poslelog [Postposition]. A. E. Kibrik, Ya. G. Testelets (eds.). *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Tsakhur Language in Typological Perspective]. Moscow: Naslediye, 1999.
- Sosenskaja, Tatevosov 1996 — T. Sosenskaja, S. Tatevosov. Substitutive constructions. A. E. Kibrik (ed.); S. G. Tatevosov, A. Eulenberg (assistant eds.). *Godoberi*. Vol. 2. München: Lincom Europa, 1996. P. 164–166.
- Sumbatova, Mutalov 2003 — N. R. Sumbatova, R. O. Mutalov. *A Grammar of Icari Dargwa*. München: Lincom Europa, 2003.
- Svorou 1994 — S. Svorou. *The Grammar of Space*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1994. DOI: 10.1075/tsl.25.
- Talibov 2007 — B. B. Talibov. *Budukhskiy yazyk* [Budugh Language]. Moscow: Academia, 2007.
- Temirbulatova 2004 — S. M. Temirbulatova. *Khaydaskiy dialekt darginskogo yazyka* [Kajtag Dialect of Dargwa Language]. Makhachkala: Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Centre of RAS, 2004.
- Zabitov 2001 — S. M. Zabitov. *Arabizmy v leksike vostochnokavkazskikh yazykov* [Arabic Borrowings in East-Caucasian Languages]. Moscow: Institute of Linguistics of RAS, 2001.